

Меня в лесу боялся. Когда я выхожу из хаты, звери аккуратно разбегаются, освобождая дорогу. Ладно, белки с ежами. Лось прекращает водопой, плавно поднимает красивую голову с рогами, смотрит якобы в сторону, но за моими движениями следит. Если я направляюсь в его сторону, он также красиво и плавно, но стремительно улепётывает в чашу. Дятел, давась, проглатывает червячка и, уворачиваясь от веток, улетает. Семейство волков покинуло насиженные норы и перебралось на другой конец леса, когда я здесь поселился. Даже пауки прячутся за листья, отпуская мух и мотыльков. Я ужасен. Я страшен. Меня зовут Фёдор. Я бобёр. И я говорю правду.

Я говорю правду обо всём, что вижу, особенно правду о тех, с кем начинаю разговор. Я не умею лгать. Это такое у меня достоинство. Жаль, окружающие не ценят его.

Неторопливо иду по своим делам. Сначала надо перекусить. Прекрасное всё-таки место я нашёл у водоёма, где недавно выстроил хатку. Всегда сочные молодые побеги багульника, сарана, черемша. Территория удобная. Берега тут пологие и крепкие, поэтому лесной народ издревле приходит сюда пить воду. Последнее время, правда, им приходится делать это быстро или искать другой источник.

Кушаю осоку. Так, ерунда, больше зубы размять и желудок. Почесав пузико, иду удовлетворить потребность в общении. Что поделать, поговорить я люблю, хотя и не всегда удаётся. На крайний случай у меня есть друг. Единственный. Тетерев. Глухой, как пень. Но слушает внимательно, не убегает. Иду к нему. Может, ещё кто по пути попадётся.

Мой день сегодня. И ста метров не прошёл, встретил молодого зайца. Глупость он сделал. Меня почуяв, вместо того, чтобы убежать, юркнул в старую барсучью нору под корнями большой сосны. Я, конечно, остановился, грамотно отрезав путь к отступлению.

Словно ни к кому конкретно не обращаясь, я начал.

– Нет больше в нашем лесу морали! Раньше-то не сильно блистали добродетелью, а ныне совсем распоясались. Превратно понятый дух свободы, отсутствие авторитетов или ещё что, я не знаю, но современники ведут себя совершенно безнравственно и безответственно. И я готов доказать это с фактами в лапах. К примеру, третьего дня некто белый и пушистый, пардон, серый и пушистый (по сезону), отправился к Осиновой опушке. Место красивое, но с недавних пор поблизости там живёт волчье семейство, да и люди, бывает, появляются, поэтому другие зайцы стараются обходить его стороной.

В норе затихли.

– Что же понесло туда нашего героя!? – возвысил я голос до крещендо.

Молодой заяц предпринял попытку к бегству. Техническим движением бёдер пришлось отправить его обратно. Слушай, слушай, брат, как уши ни прижимай, всё равно услышишь.

– Озираясь и дрожа, как та осина, под которой он остановился, наш герой смело замер в опасном месте. Чего он ждал? Чу, слышался робкий шелест изящных прыжков. Вот и она, юная зайчиха благородного рода, ещё не успевшая связать свою судьбу официальным браком. Вам нужны подробности? Вот они. Не теряя даром времени, не говоря лишних слов, наши друзья тут же соединились в уютной ложбинке, устланной мягкими листьями. От их страсти осины свои листья потеряли, не дождавшись осени. Рябина покраснела раньше времени. Даже волки испугались криков. Ладно, про волков я соврал. Но в остальном! А ведь у него семья. Дети. Маленькие, миленькие зайчики. Штук семь, если я не ошибаюсь. Но он, рискуя жизнью, своей и чужой, предаётся похоти.

Я сардонически засмеялся.

– Низменная слабость, глупое безвольное следование основным инстинктам ведут в могилу. Горе несчастным близким этого дурака! – почти завыл я.

В отчаянном броске, ударившись башкой о нижнюю ветку, мой собеседник белой молнией скакнул в лесные дебри.

Ушёл.

Эх... Нет, чтобы с пользой для себя и других прислушаться к мудрости старших, извлечь уроки из происшедшего, воспользовавшись незамутненным взглядом со стороны. Но нам это не нужно.

Я постоял, посокрушался ещё немного и продолжил путь.

Но друга-глухаря на привычном месте не оказалось. Токовать что ли ушёл? Тоже мне поп-звезда.

Тут я вспомнил, что слух прошёл: старый кедр упал, самое древнее дерево нашего леса. Пойду посмотрю.

Кедр переломился у самого корня. Молния ударила или состарился и сам развалился? Много веков он здесь простоял. Может, тысячу. Я подошёл поближе и заглянул в разлом. Оттуда, словно кровь, вытекала смола. Взять, что ли, пожевать? Говорят, для зубов полезно. Ближе к сердцевине остались кусочки старой, засохшей, доисторической смолы. Дай-ка попробую эту, её и мои предки жевали. Недолго думая, выковырял я кусочек из самой середины. Ух ты! Твёрдая, как камень. Ничего, зубы у меня крепкие, да и слюна как кислота, любую органику разъест.

Усердно работая челюстями, я огляделся. Рядом с тем местом, где я добыл смолу, скол прошёл вертикально и обнажилась поверхность кольца, совсем близкого к сердцевине. С удивлением я увидел на ней знаки. То, что это именно пиктограмма, нанесённая людской рукой, не было никакого сомнения. Как же они туда попали? Не иначе, колдовским образом. По преданиям, в незапамятные времена наш кедр служил древним людям священным деревом, около него устраивались магические ритуалы. Между прочим, племя, которое здесь жило, поклонялось Духу Бобра, и мои предки работали у них тотемными животными. Вот, должно быть, была выгодная и хлебная должность! Я живо представил себя шаманом, который пляшет вокруг дерева и специальной косточкой наносит дымные знаки. Интересно, что здесь написано?

Первый знак представлял из себя стилизованное изображение бобра. Ну, это понятно. Священное животное, символ племени, всё такое. Следующий рисунок,

однако, недвусмысленно демонстрировал казнь бобра. Дааа... Видимо, не такая уж выгодная должность была у моих предков. Дальше было не очень понятно. Вроде кулинарного рецепта в картинках. Как приготовить коктейль из крови бобра и кедрового сока. И последний, совсем непонятный знак – лицо человека, но с удвоенным количеством органов: два носа, четыре уха, два рта, четыре глаза. А подбородок один. Может, инопланетянин? Я хоть и в лесу живу, а про научный взгляд на мир слышал. Мы не одиноки во вселенной. Хотя вот я одинок. В моей вселенной.

Я вздохнул. Взгрустнулось, что ли? Я вообще-то редко расстраиваюсь. В основном, желудком. А тут... Картинки навяли? Ну, убили моего прапрапрадедушку. Все мы смертны. Но чувство грусти и тоски усиливалось. Я даже перестал жевать. Я даже смолу выплюнул.

Голова закружилась. Смола, наверное, наркотическая. Мир всё быстрее завертелся вокруг меня и вдруг резко рванул навстречу.

Лена проснулась в чудовищном настроении. Нет, ничего не болело, ни голова, ни печень, хотя она точно пила вчера текилу. После вина и пива. Не так пугал провал в памяти, как точное осознание, что она натворила, не могла не натворить. Вопреки всему, конечно, теплилась слабая надежда, что обошлось, но её, конечно, было мало. Надежды, что обошлось.

Надо позвонить сестре. Да, сначала сестре. Вадику звонить слишком страшно.

Медленно встала, умылась. Старательно, не глядя в зеркало, пошла на кухню пить чай, оттягивая неприятный момент. Но сколько ни оттягивай... Лена протяжно и длинно, со стоном выдохнула.

– Привет, я тебя не разбудила?

– Нет, ты меня не разбудила.

Вроде голос не обиженный, весёлый. Хотя, может, злая ирония?

– Ну, говори.

– Что говорить-то? Хе-хе. Какие именно подробности тебя интересуют, откровенная ты моя?

– Что я ему успела сказать?

– Вадику-то?

Точно, издевается.

– Ну?

Томительная пауза.

– Что сказала...

Опять пауза.

– Что ты могла сказать? Ты всегда в таких случаях говоришь только одно. Правду!

Лена безнадежно застонала. Только не это!

Лиза, сестрёнка родная, торопливо продолжила:

– Ты ему всё высказала, всё, всё, что о нём думаешь, всё, что он про себя и так знает. Или догадывается. И что дела у него говённые. И что ты его ждёшь, ждёшь, а он время тебе уделить не может. Потому что проблемы у него его говённые. А тебе нормальный парень нужен. Чтоб семья. Хотя бы с восьми вечера. А сейчас пусть он идёт куда подальше, потому что тебе надо с сестрой побыть. Побыть и выпить. А его пустая болтовня и уговоры тебя не интересуют. И так далее.

– О-о-о...

– Вот тебе и «о-о».

– Лиза, как мне быть, скажи.

– Как быть, как быть... Как обычно.

Подожди до вечера, а если сам не позвонит, сожми свою гордость в кулак и ползи прощения просить на коленочках. Хотя я бы на твоём месте прямо сейчас начала выползать. А то поди переживает на своей «говённой» работе на ГЭС, ещё с горя какой рубильник не тот нажмёт. И пиши пропало – смоем нас к чертям собачьим, и всё по твоей вине.

– А если он не простит?

– Ерунда, простит! А не простит, другого найдёшь. Такого, который тебя, дуру, вытерпит.

– Не найду-у-у! Мне другой не ну-ужен, а-а-а!...

– Поплачь, поплачь! Слезами горю-то поможешь!

– А-а-а, ты жестокая-а-а!...

– Я-то? Я нет.

И трубку положила. А Лена даже не спросила, говорила она Лизе «правду» про неё или нет?

Тут, от горя ли, или ещё от чего, привиделось Лене, что она – животное, мохнатое и с усами. И ветки ест. Прямо с листьями.

– Всё. Ку-ку поймала. Это в наказание мне. Жизнь себе разрушила. А, может, и Вадика тоже. Точно – животное. Образу сейчас шерстью и уйду в зоопарк. Гиеной работать, смрадной и вонючей. Там мне самое и место.

– Привет, Ваше Высочество! Как самочувствие?

– Вадик, это ты?

– Нет, это твоя больная совесть тебя беспокоит. По телефону.

– Вадик, я больше не буду! Честное слово! Это всё Лиза виновата, она мне говорит: «Давай выпьем, да давай выпьем!» Текилы... Вот и...

Господи, приснится же такое! Я (я!) превращаюсь в самку человека. Какая удивительная трансгендерная перверсия. Надеюсь, вы уловили весь непередаваемый сарказм последней фразы. Конечно, я абсолютно гетеросексуален. И, разумеется, не зоофил.

Раньше людей много в этих местах было. Пока плотину не прорвало. Большая была плотина, огромная, энергию вырабатывала. Электрическую, чтобы деревья не жечь. И правильно, что их жечь, когда съест можно. Целое море за ней плескалось. Но что-то не так пошло. За плотиной, за ней ухаживать надо. Не так что построил, и всё. Следить надо. Не уследили, видать. Вот море и выплеснулось. И людишек смыло. Туда и дорога, нечего воротники из бобров делать. Обезлюдилась местность, значит. Вот звери потихоньку и заселили эти края.

Однако сон необычный. Съел, наверное, что-то не то. Точно. Смола. Смола с рисуночками. Прямо колдовство и мистика в нашем насквозь материальном и пошлом мире. Надо держаться от этого места подальше.

Не успел я успокоиться, как нахлынули воспоминания. Пожевал молодых побегов осоки, не помогло. Сон проклятый наваял. Вспомнил свою историю. Вообще-то мы, бобры, существа семейные. Тяготеющие к моногамии. Меня тоже, знаете, эти шведские варианты не прельщают. Не успеешь оглянуться, как запутался. Была и у меня одна девушка. Попа круглая, хвост пистолетом. Характер хороший. Молчала всё больше, не перечила. Говорила, милый, и откуда ты всё знаешь? Уважительная, глаза опускала. Улыбка прекрасная, с большими зубами. Э-Эх.. Вот я хвост и распустил. Хатку совместную уже начали строить – небольшую, пятнадцатикомнатную, на четыре выхода. Тут она и обиделась. Что ты, говорит, всё меня пилишь, то не так стою, то не так грызу. Заплакала и уплыла. Вниз по

течению, только и видели. А что я? Я хотел, как лучше, что молчать, когда в интересах дела?

Все они предательницы – с круглыми попами...

А может, лучше промолчать иногда?

Вроде живу по-прежнему, а тянет меня к тому месту. Будто незаметно, а поближе сворачиваю. С другой стороны, что я, заяц трусливый? Смола это действует или просто единичный случай произошёл? Надо испытать, все точки над *i* расставить.

– Правду! Я расскажу вам правду! – завыл шаман и заковылял к священному дереву, держа под мышкой большого придушенного бобра с завязанной мордой и лапами.

Бобра было жалко. Каяк долго приманивал его на дальней запруде, планируя подарить красивую шкурку жирного зверька Танье, пусть себе жилетку сошьёт или ещё что на бёдра, пусть благосклонно на Каяка посмотрит. Но на входе в стойбище караулил шаман, не иначе следил за ним, сказал: жертва нужна. Срочно. Теперь Танья на шамана благосклонно будет смотреть. По закону останки жертвенного животного, включая шкуру, доставались служителю культа.

– Беда! Нас ждёт беда! Вижу! Всё вижу! Большая вода придёт! С верховьев придёт! Всё затопит, никого не пожалеет!

– Когда?! Когда придёт?! – заволновались соплеменники. – Когда готовиться-то?!

– Пока не знаю! – чуть тише загундел шаман. – Бобра сейчас отправим к духам будущих времён, он мне оттуда дату укажет, – пояснил он, деловито подвывая.

Племя слегка расслабилось, надеясь не без оснований, что скоро с насиженных мест сниматься не придётся. Были случаи, когда шаман видел уж больно далёкие перспективы, не имеющие практического значения.

Шаман споро, чтобы не потерять интереса аудитории, привязал бобра к дереву и поджёг заранее приготовленный валежник из смолистых и подмоченных веток. Чтобы едкого загадочного дыма было побольше, с сарказмом подумал Каяк. Большая вода, значит. Озеро будет, значит. Рыба будет, бобров будет больше. Лодку изобрету по озеру плавать, размышлял Каяк. Моим именем назовут. Ещё неизвестно, на

кого тогда Танья благосклоннее смотреть будет.

Несмотря на ревность, шамана он скорее уважал. Тот действительно часто приносил племени пользу, подсказывая, в том числе Каяку, разные умные и хитрые вещи. Словно действительно общался с духами будущих времён, где люди обустроили свою жизнь практично и удобно. Это свойство шамана подтверждалось тем, что иногда он выкрикивал незнакомые длинные слова, которые в племени никто не знал и которые сам тотчас забывал. А Каяк помнил. Память у него на звуки была хорошая. Мог любое слово повторить, любую птицу или зверя из леса передразнить. Злоупотреблял этим, передразнивая кое-кого из племени. Били даже. Но потом опять просили повторить.

Вот и сейчас, желая поддержать интерес публики, шаман завыл красивое незнакомое слово:

– Ка-та-стро-фа! Погибнем! Мы, трогло-ди-ты, вымрем, как три-ло-би-ты!

Высокий, костлявый, потряхивая короткой бородкой, завитой в косичку, шаман закружился вокруг священного дерева, размахивая кривым острым ножом перед бобриной мордой. Страшно. Несчастное животное обделалось шаману под ноги. Тот даже и не заметил, танцуя в экстазе.

Взмах ножа – и над поляной раздался тонкий задушенный визг, разрывающий нервы.

В этот момент Каяку показалось, что он и есть этот жертвенный бобёр, накрепко привязанный к священному кедру, которому сейчас вырвут сердце. И тогда мир умрёт вместе с ним. И он тоже не сдержался животом от страха.

Короче, подсел я на это дело. Жить стало неинтересно без этих особенных снов. Где и кем я только ни был. И вождём, и нищим, и простым мещанином, и разбойником с большой дороги. Невестой на выданье и воином на коне, в странном островерхом головном уборе с синей звездой. Всегда в человеческом обличье. Я почти привык к этим двуногим тварям. Даже отчасти научился управлять своими «персонажами», подсказывая им, как вести себя в тех или иных ситуациях. Но я чувствовал, что придётся заплатить. Каждый кончик каждого волоска на моей прекрасной

шкуре кричал: всё весёлое рано или поздно заканчивается. И счёт будет обязательно...

В это утро Вадим оделся особенно тщательно. Предстояло важное совещание. Такого уровня – первое в его жизни. Недавно его назначили заместителем главного инженера одной из самых больших гидроэлектростанций страны. Третьим заместителем. Но главный скоро уйдёт на пенсию, и карьерная лестница снова придёт в движение. В общем, стать первым замом – это совершенно реально. В тридцать два года. А там посмотрим.

Узел галстука никак не хотел ложиться как надо, и Вадим терпеливо развязывал и завязывал его, добиваясь правильного вида. Это важно. Сегодняшнее совещание проводит новый министр энергетики, специально прилетевший на ГЭС из Москвы, за свой нрав и внимание к мелочам прозванный «Чубайсом». Правда, конопатая физиономия тоже сыграла свою роль, мысленно усмехнулся Вадим. Говорили, что новый министр не только внимательный, но и злой. Такой злой, что даже взятки не берёт. На ум как-то сразу пришёл директор станции. Наверное, для контраста.

Совещание тянулось медленно и тихо, слышно было, как мухи летали. Новый министр молча, с каменным лицом слушал, как потеющий лысый директор монотонно бубнил:

«...по данным прошлогодней проверки Ростехнадзора, допустимые параметры на ряде агрегатов критично отступают от нормативных. Но в ходе плановых работ освоено полтора миллиарда, а вибрации при предельно допустимых оборотах на таких машинах, на таких уникальных машинах ещё до конца не изучены...»

Всё будет хорошо, раз такие большие деньги так удачно освоены.

Сидя с прямой спиной, Вадим думал, что за компанией, победившей на конкурсе, стоит сын директора. Зарегистрирована она буквально позавчера, а работы проводились

абы как, и в основном персоналом самой же станции. И что так можно и допрыгаться. Внизу посёлок, семнадцать тысяч жителей, а дальше, за каскадом, большой город, миллионник. Нельзя играть с природой. Мы же люди, а не бобры какие-нибудь, строители плотин.

Вадим словно наяву увидел себя в виде коллеги-бобра-строителя с усами и широкой печальной улыбкой. Стало тошно. И очень страшно, как перед прыжком с высокого обрыва.

– Кто-нибудь желает что-нибудь добавить? – министр тяжёлым взглядом обвёл зал.

Тишина.

Вадим поднял руку.

– Я хотел бы сообщить о некоторых проблемах, напрямую связанных с безопасностью людей.

Рассказывая правду про шестой агрегат, он краем сознания подумал, что вряд ли доживёт до сегодняшнего вечера. Надо позвонить Ленке, соврать что-нибудь, чтоб не беспокоилась, типа, что он вдруг может неожиданно уехать. С министром. В командировку. Чтобы по больницам не звонила.

Вот она, моя любовь к правде. Не довела всё-таки до добра. Бобра. Если катастрофы не будет, значит, и меня не будет. Не прорвёт плотину, не выплеснется море, не пройдёт по нашим местам вода, серебряным валом сметая людей, не заселят эти места звери, включая моих родителей. Им тогда не будет суждено встретиться. Таковы законы Вселенной, насколько я их понял, путешествуя вне времени и пространства.

Что ж делать? Жалко всё же людишек, тоже по-своему разумные твари, хотя и на двух конечностях ходят. Но себя тоже очень жалко. Что же делать?

Я могу заставить своего персонажа сказать неправду, могу заставить замолчать.

Я не буду этого делать.

Правда есть правда, не будь я бобёр по имени Фёдор.